

Чэнь Янь приоткрыл рот, сиюсь заговорить, но вдруг понял, что даже не знает имени этого юноши. В душе теснилось множество слов, но с перехваченных губ не слетело ни звука.

Воздух крупца за крупцей покидал легкие. Чу Тянькоу, скованный яростным натиском мечника, ничем не мог помочь.

Кровь прилила к лицу Чэнь Яня, перед глазами все поплыло, и мир вокруг сжался до неясных, дрожащих теней. Сквозь эту пелену ему почудился образ прежнего миловидного мальчишки, который беззвучно шептал: «Молодой господин...» А в ушах вдруг эхом отозвался чей-то далекий, отчаянный крик: «А-Цин?!»

Собрав последние силы, Чэнь Янь судорожно глотнул воздуха и со хрипом вытолкнул из груди:

— А-Цин...

Пальцы, сжимавшие горло, вдруг дрогнули и ослабили хватку. Воздух хлынул в рот и нос, и Чэнь Янь жадно, захлеб задышал, восстанавливая силы.

Почувствовав сопротивление марионетки, Мяо Бусю вышагнул из пещеры. С его губ сорвался недовольный возглас, и мелодия флейты резко ускорилась, зазвучав пронзительно и яростно. Этот визг, подобный стенаниям потревоженных призраков, эхом прокатился по лесу. Не выдержав жутких звуков, встревоженные птицы с шумом взмывали с ветвей, оглашая чащу жалобным клекотом.

Под этот свист руки А-Цина вновь налились тяжестью, готовые сомкнуться на шее жертвы. Однако Чэнь Янь чувствовал: юноша отчаянно боролся с волей кукловода. От этого сердце Чэнь Яня болезненно сжалось.

Мальчишка, которому едва исполнилось девятнадцать, выказывал невероятную стойкость духа. А что же он сам?

Хватка А-Цина неумолимо сжималась. Тщетно попытавшись вырваться, Чэнь Янь оставил попытки и лишь повторял его имя, надеясь, что этот зов поможет юноше вернуть власть над собственным телом.

Наконец изувеченные губы А-Цина шевельнулись. Из его груди вырвался глухой, хриплый шепот — всего несколько слов:

— Молодой... господин... умоляю...

Чэнь Янь не должен был понять этот сбивчивый лепет, но, встретившись взглядом с налитыми кровью глазами юноши, он безошибочно прочитал в них немую мольбу.

Чэнь Янь отчаянно замотал головой. Нет. Он не сможет этого сделать.

Из горла А-Цина вырвался тихий, жалобный стон. Из покрасневших глаз выкатилась и скользнула по щеке розовая, разбавленная кровью слеза. Словно осыпающийся лепесток весеннего персика, она упала на лицо Чэнь Яня. В этом прощальном взоре сплелись воедино облегчение и первобытный страх, мимолетная радость, отчаяние и невыносимая мука.

Чэнь Янь понял: сейчас этот несчастный мальчик молил лишь об одном — об избавлении.

Лицо А-Цина, покрытое гнойными язвами и запекшейся грязью, выглядело устрашающе. Но сквозь это уродство Чэнь Яню вдруг явился прежний, чистый облик юноши. Из глубины памяти проступили те самые глаза — ясные, полные слез, робко подглядывающие за ним сквозь щелку приоткрытой двери.

Крепче сжав рукоять кинжала, Чэнь Янь едва слышно прошептал: «А-Цин» — и, зажмурившись, по самую рукоять вонзил лезвие ему в грудь.

Сердце юноши дрогнуло и замерло. Жизнь затаилась, кровь замедлила свой ход, и терзавшие его плоть ядовитые твари наконец потеряли свою власть.

Перед тем как вечный мрак окончательно поглотил его сознание, Чэнь Янь успел заметить, как губы А-Цина дрогнули в едва различимой, благодарной улыбке. Веки сомкнулись, пряча налитые кровью глаза. Последнее дыхание покинуло измученное тело, и оно безжизненно опустилось на землю.

От мертвеца все еще исходил тяжелый гнилостный запах, но Чэнь Янь, не обращая на это внимания, крепко обнял остывающее тело и зажмурился, тщетно пытаясь унять бьющую его крупную дрожь.

На ущелье опустилась глухая ночь. Во влажном воздухе глухо потрескивали зажженные еще на закате факелы. Чэнь Янь ощутил, как щеки коснулось что-то прохладное. Он открыл глаза и при тусклом свете пламени увидел тончайшую, словно шелковые нити, водяную изморось.

Пошел дождь.

Раздался звонкий металлический скрежет. Обломок меча, перерубленный пополам, со свистом рассек дождевую завесу и глубоко вошел в серый камень скалы.

Оставшись с бесполезной рукоятью в руке, мечник застыл, точно лишившись сил. Исход поединка был предreshен.

Сплюнув на землю темную кровь, поверженный боец стремительно отпрянул назад и крикнул ошеломленному Мяо Бусю:

— Старый хрыч, уноси ноги! Живо!

Мяо Бусю смерил Чэнь Яня взглядом, полным ядовитой злобы, и, нехотя бросившись вслед за напарником, прошипел на прощание:

— Чэнь Цзин! Это еще не конец! Мы еще сочтемся!

Бережно опустив тело А-Цина на землю, Чэнь Янь сжал окровавленный кинжал и рванулся было вслед за убегающим отравителем, но дорогу ему преградил Чу Тянькоу.

— Пусти! — в ярости закричал Чэнь Янь. Ненависть, kloкотавшая в груди, требовала немедленно догнать и растерзать скрывающегося в ночной темени врага.

Чу Тянькоу молча сжал его в объятиях, не давая сделать и шага. Он стойко сносил все удары и яростные попытки вырваться, пока наконец глухо и тяжело не зашелся кашлем. Плечо Чэнь Яня внезапно обожгло чем-то теплым и влажным, и в то же мгновение Чу Тянькоу всем телом тяжело навалился на него.

Подхватив мужчину, Чэнь Янь испуганно спросил:

— Ты ранен?!

Тот едва заметно качнул головой:

— Пустяки... Все хорошо.

Силы Чу Тянькоу и его противника были равны. С самого начала глава Поместья Туманных Волн уступал сопернику, поскольку пострадал, спасая Чэнь Яня, а коварный мечник к тому же пытался сбить его с толку, напоминая о былых обидах. Однако железная воля Чу Тянькоу взяла верх: даже находясь на волосок от гибели, он сумел переломить ход боя.

Ему пришлось полностью опустошить свои меридианы, чтобы одним точным ударом перерубить чужую сталь. Для этого требовалось невероятное мастерство: при каждом столкновении клинков попадать строго в одну и ту же уязвимую точку на вражеском мече. Подобная точность стоила ему дорого — сейчас все его тело было покрыто глубокими порезами.

Внезапно из темноты донеслись быстрые шаги, и звонкий девичий голос позвал:

— Брат?

Чэнь Янь обернулся. Из дождевой дымки торопливо вышли двое: миловидная девушка лет двадцати в нежно-желтом платье, опирающаяся на руку статного молодого человека. Приглядевшись, он заметил, что гостя необычайно хороша собой — свежа и изящна, словно дикий горный цветок. Вот только ее глаза, которые должны были сиять живым умом, казались подернутыми полупрозрачной белесой дымкой.

Она была слепа.

Ее спутник, напротив, обладал на редкость ясным и пронзительным взглядом. В отличие от взволнованной девушки, его благородное лицо хранило абсолютное спокойствие. Вся его фигура дышала безмятежностью осеннего ветра, способной умиротворить любого, кто окажется рядом.

Молодой человек вежливо кивнул Чэнь Яню, но не проронил ни слова. Он склонился к уху спутницы и что-то негромко зашептал, после чего та повернула лицо в сторону Чэнь Яня, а на ее лице отразилось искреннее любопытство.

— Со мной все в порядке, — негромко произнес Чу Тянькоу, и в его голосе прозвучала глубокая усталость. — Сяо И, в пещере несколько наших людей, они отравлены. Осмотри их.

Молодой человек — Сяо И — молча кивнул. Дождавшись, пока Чу Тянькоу перехватит ладонь девушки, он развернулся и быстрыми шагами направился к пещере.

— Да, Юньшу, — добавил Чу Тянькоу, заметив, куда обращен невидящий взор сестры. — Это... Чэнь Цзин. Тот самый, кого я искал.

Чэнь Янь вздрогнул и уставился на раненого главу. Теперь их тайны были раскрыты друг другу без остатка. Но Чу Тянькоу, казалось, ничуть не удивился правде и с удивительным спокойствием принял его настоящее имя.

Смутившись, Чэнь Янь неловко приподнял руку и тихо поприветствовал девушку, не пытаясь скрыть сквозящую в голосе тоску:

— Здравствуй.

Чу Юньшу подарила ему мягкую улыбку. Вскоре из грота вернулся Сяо И. Бережно обняв девушку за плечи, он негромко доложил:

— К счастью, яд самый обычный, да и подействовать в полную силу он не успел. Я дал им противоядие, скоро придут в себя.

Чэнь Янь с облегчением выдохнул. Хоть одной бедой меньше.

— Осмотритесь здесь, — приказал Чу Тянькоу сопровождавшим сестру людям в зеленых одеждах. — Проверьте ущелье. Ищите все, что может оказаться полезным.

— Слушаемся! — хором отозвались те и растворились в полумраке.

Пока встревоженная Чу Юньшу расспрашивала брата о ранах, Чэнь Янь тихо отошел к телу А-Цина. Заметив у небольшого колодца недопитый деревянный жбан, он оторвал полосу от своего подола, смочил ткань и принялся бережно стирать с лица покойного грязь и кровь.

К тому времени как чистая вода превратилась в багровую жижу, из-под наслоений грязи наконец проступили знакомые черты. В горле встал ком, а глаза нестерпимо обожгло слезами. Чэнь Янь на миг замер, пытаясь справиться с подступившим рыданием, а затем с тихой решимостью продолжил свою печальную работу.

Когда жбан опустел, Чэнь Янь выплеснул грязную воду на землю, подошел к колодцу и опустил ведро на веревке в темный зев колодца. Взявшись за деревянную рукоять колодезного ворота, он налег на нее всем весом.

Скрип ворота разнесся по притихшему ущелью слишком резко, заставив присутствующих обернуться. Сделав несколько натужных оборотов, Чэнь Янь обессиленно замер, силясь перевести дыхание.

Терзания ядовитых гу, разбуженных флейтой Мяо Бусю, выпили из него почти все соки, а последовавшая за этим борьба с А-Цинем окончательно истощила тело. И все же упрямая внутренняя сила, источник которой крылся где-то глубоко в душе, заставляла его двигаться дальше, преодолевая слабость.

Чу Тянькоу нахмурился и едва заметно кивнул одному из своих подчиненных. Тот послушно шагнул вперед и мягко перехватил рукоять:

— Позвольте мне, молодой господин.

Чэнь Янь покачил головой и слабо улыбнулся:

— Благодарю, я сам.

Растерянный слуга оглянулся на хозяина. Чу Тянькоу тихо, едва слышно вздохнул, подозвал мужчину поближе и что-то шепнул ему на ухо. Тот кивнул, переговорил с парой товарищей, и они спешно покинули лагерь, растворившись в ночном тумане.

То и дело останавливаясь, чтобы передохнуть, Чэнь Янь все же вытащил полное ведро воды. Он вновь опустился на колени подле А-Цина и принялся бережно промывать его спутавшиеся волосы. Темные ручейки окрашенной кровью воды змейками расплзались по голой

каменистой земле, тускло поблескивая в пляшущих отсветах факелов и навевая зловещую тоску.

Когда слипшиеся от крови пряди наконец стали чистыми и мягкими, Чэнь Янь снял собственную шелковую ленту и аккуратно собрал волосы юноши в опрятный пучок. Перед присутствующими наконец предстал тот самый славный, миловидный отрок — и лишь жуткие багровые язвы возле скулы и подбородка напоминали о перенесенном им кошмаре.

Чэнь Янь потянулся к своей одежде, намереваясь оторвать еще один лоскут, чтобы прикрыть эти уродливые следы. Ему казалось, что А-Цин, будь он жив, непременно захотел бы предстать перед миром чистым и красивым, без этой позорной печати безумия. Однако ткань была слишком прочной, а израненные пальцы дрожали и не слушались — как он ни тужился, разорвать плотный шелк не получалось.

В этот момент к нему бесшумно приблизилась Чу Юньшу. Протянув руку, она вложила в его ладонь белоснежный шелковый платок, расшитый мелкими цветами. От него исходил едва уловимый аромат жасмина, который, впрочем, тут же потонул в тяжелом, удушливом запахе пролитой крови.

— Спасибо, — вымолвил Чэнь Янь и бережно принял дар.

К тому времени как слуги закончили обыск ущелья, Чэнь Янь обмыл тело юноши, снял с себя верхнее шелковое одеяние и укрыл им остывающие плечи А-Цина, словно одеялом.

Вскоре из темноты показались отправленные ранее люди. Они тяжело ступали по грязи, неся на плечах какой-то громоздкий груз. Когда факелы осветили ношу, Чэнь Янь обомлел: слуги несли простой, наспех сбитый деревянный гроб. Он тут же вскинул голову и встретился взглядом с Чу Тянькоу.

Чу Тянькоу, успевший за это время немного перевести дух и восстановить силы, смотрел на него спокойно и серьезно. В его глубоком взоре не было ни упрека, ни лукавства. Словно предугадывая, что Чэнь Янь из гордости откажется от помощи, глава Поместья Туманных Волн негромко заговорил первым:

— Одному тебе с этим не управиться, вот я и велел им поспешить. На въезде в ущелье, на лесной опушке, есть тихая поляна, сплошь заросшая дикой хризантемой. Думаю, там ему будет спокойно.

Чэнь Янь хотел было поблагодарить его или хотя бы сказать слово в оправдание своей прежней лжи, но горло перехватили спазмы, и он не смог вымолвить ни звука.

Ведь теперь Чу Тянькоу знал, кто он такой. Знал, что перед ним — Чэнь Цзин, скрывавший правду с самого первого дня. Обладая незаурядным умом, Чу Тянькоу не мог не сообразить: их случайное знакомство и долгий совместный путь, скорее всего, были спланированы ради

личной выгоды — спасения собственной шкуры или иных, тайных целей. Эта дружба с самого начала была отравлена ложью. И все же этот человек без лишних расспросов протянул ему руку помощи.

<http://bllate.org/book/19459/2040270>